



продвижении государственных интересов.

3 Наиболее отчётливо стратегия инкорпорации проявилась в имперский период, которому посвящена большая часть исследования. Россия тогда сочетала в себе черты современного и традиционного государства. Современное государство XVIII — начала XX в. (во всяком случае, в его идеально-абстрактной версии) стремилось организовать управление на унифицированных рациональных началах, построить гомогенную культурную среду, создать универсальные государственные и общественные институты и т.д. Российская империя действовала именно в этом направлении, однако столкнулась с сопротивлением традиционных социальных структур. Новый курс предполагал сохранение местных общественных институтов (часто весьма архаичных) и активное включение в имперский правящий класс элит национальных окраин. Формировалась система непрямого управления, характерная для колониальных держав<sup>2</sup>, но имевшая свои особенности.

4 Проблема инкорпорации, вероятно, впервые остро встала в связи с изменением геополитической ситуации в Евразии из-за ослабления государств Чингизидов. Постепенно бывшие сюзерены и вассалы (московские князья) поменялись местами. Автор главы А. В. Беляков подробно описывает состав, статус и даже материальное содержание Чингизидов в Московском государстве. При этом он прослеживает эволюцию их статуса от верховных вотчинников к служилым князьям, которых в начале XVIII в. уравнили с российским дворянством.

5 Наиболее ярко практика сотрудничества с этническими элитами проявилась на Северном Кавказе и Закавказье. Глава, написанная Л. С. Гатаговой и Дж. Я. Рахаевым, показывает всю сложность взаимодействия с местными элитами, связанную не только с социокультурными различиями, но и особенностью геополитического положения региона между тремя государствами — Османской и Российской империями и Ираном. Это приводило к тому, что многочисленные кавказские правители играли на противоречиях великих держав, заключая соглашения и объявляя себя вассалами то одних, то других. Российское правительство делало ставку на стремящиеся перейти под её протекторат народы и опиралось на местную аристократию (весьма неоднородную). «Мирные» горцы в свою очередь становились опорой в борьбе с воинственными. Большое значение играли различного рода материальные и статусно-символические поощрения. Особое внимание уделялось духовенству. В целом проводилась осторожная политика, направленная на привлечение христианского и мусульманского духовенства на сторону империи.

6 Присоединение региона поставило проблему инкорпорации кавказской аристократии в имперскую — причём не только «техническую», требующую унификации и соотнесения сложных систем титулов с общеимперской системой. Выявились важные особенности элитарного сознания в Российской империи. Сразу после окончания Кавказской войны началась дискуссия о возможности утверждения горской знати в потомственном дворянском достоинстве. Если у одних представителей имперской элиты это не вызывало возражений, то другие выступали категорически против, заявляя, что «дарование титулов... было бы величайшей политической ошибкой и унижением наших коренных русских князей и дворян... Горцы должны знать, что... только заслуги личные дают право на приобретение особых преимуществ» (с. 85). Для значительной части имперской элиты пропуском в неё считалась честная служба императорскому дому, а не просто аристократическое происхождение. Исследование показывает, что правительство поступило прагматично и инкорпорация, целью которой было замирение региона, пусть и непросто, но всё же состоялась.

7 Можно сделать вывод, что присоединение Кавказа, несмотря на противоречивый характер последствий, в том числе связанных с длительной войной и мухаджирством (массовой эмиграцией местного населения), дало региону заметный модернизационный импульс. Оно стимулировало переход местных народов от замкнутости традиционных политик к качественно новой идентичности — национальной.

8 Глава, подготовленная А. В. Марчуковым, посвящена истории формирования и

инкорпорации малороссийской элиты. Этот процесс показан на широком политическом фоне и ярко демонстрирует местную специфику. Российское государство и в данном случае опиралось на верхушку малороссийского общества — казацкую старшину, близкую конфессионально и культурно этническую и социальную группу, у которой можно обнаружить элитное самосознание. Однако процесс её формирования — элитогенез — не был завершён, потому главным устремлением старшины оставалась нобилитация: признание её благородным сословием со стороны польского короля или московского царя. Впрочем, другой группе малороссийской элиты — православному духовенству — в силу религиозных факторов сделать непростой выбор между Польшей и Московским царством не приходилось. В главе подробно разбирается история упразднения гетманской автономии.

9 Молдавская элита оказалась в центре внимания В. Я. Гросула. Исследователь показал исторические связи России и Молдавии, ставшие основой инкорпорации местной элиты в имперскую. Интересна широкая трактовка автором понятия «элита», под которой подразумевается не только социальная и политическая верхушка, но и культурная среда, рассматривается её вклад в российскую культуру.

10 Общие для империи тенденции в управлении национальными окраинами проявились и в отношении остзейцев (глава подготовлена Э. П. Федосовой), преимущественно немецких баронов. Именно они стали опорой монархии в Прибалтике. В то же время они делали всё, чтобы сохранить имевшиеся привилегии и даже приумножить их, яростно боролись за сохранение особого статуса. Центральная власть была вынуждена учитывать эти настроения и соблюдать сложившийся баланс интересов. Важным сюжетом очерка является «остзейский вопрос» — спор в правительственных кругах о положении остзейцев и их особых правах. Фактически данная дискуссия была посвящена вопросу о дальнейшем направлении развития империи: унификации управления или сохранении дифференциации.

11 В целом процесс инкорпорации представлял собой сложный процесс, и Российская империя проявляла заметную эластичность, позволявшую ей сохранять баланс между целостностью империи и культурной и социальной автономией этнических сообществ. Можно ли в таком случае говорить о единой стратегии? С одной стороны, очевидно, что многое решалось ситуативно, приходилось учитывать сложившуюся обстановку, культурную специфику и прочие особенности. Как следствие, управление национальными окраинами империи не было единым. С другой, авторы отмечают, что именно опора на элиты стала основой непростого, но в целом успешного присоединения национальных окраин к империи. Немалую роль играла и достаточно успешная презентация имперской власти перед «инородцами». Российская империя оказалась своего рода инкубатором для формирования у ряда народов национального сознания современного типа. Это, естественно, не отменяет и негативных для национальных культур последствий от нередко проводившейся насильственно русификации.

12 Специальная глава, написанная К. С. Дроздовым, Д. А. Аманжоловой и В. В. Трепавловым, посвящена этническим элитам в республиках СССР. После революции произошла смена парадигмы рекрутирования в «верха», теперь она основывалась на классовом происхождении. Специально рассматривается процесс элитогенеза на Украине и в Белоруссии. Выделяются следующие этапы: 1920-е — начало 1930-х гг. — период политики «коренизации», когда, собственно, и происходило формирование новых элит, и 1933—1939 гг. — период репрессий, смены «личного состава» элит. Схожие процессы, пусть и в специфической форме, наблюдались в Закавказье и Средней Азии. Специально рассматривается случай инкорпорации Прибалтики. Советская власть в большей степени была нацелена на унификацию, чем имперская, но и ей приходилось исходить из ситуативных факторов и брать в расчёт интересы национальных элит.

13 По наблюдениям авторов, окончательное оформление местных национальных элит пришлось на послесталинский период и в значительной степени связано с расширением полномочий республиканских административных и хозяйственных органов. В дальнейшем их формальная и неформальная самостоятельность только усиливалась. Одновременно

наблюдалось снижение доли / удельного веса / представленности этнических русских в партийных и советских органах управления республик. В 1960—1980-х гг. в некоторых республиках (прибалтийских, Украине и др.) оформились две стратегии взаимоотношений с союзным центром. Одну представляли национал-коммунисты, стремившиеся отстаивать культурную и экономическую самостоятельность. Другую представляли сторонники общесоюзного курса на централизацию и ассимиляцию. В национальной номенклатуре наблюдался процесс складывания кланов, усиливался запрос на выражение этноидентичности — всё это «сыграло» в ходе очередного реформаторского рывка на рубеже 1980—1990-х гг.

14 При подготовке монографии авторский коллектив применил широкий спектр методологических подходов: институциональный, семиотический, просопографический и др. Впрочем, распределены они неравномерно. Издание удачно дополняют приложения. Биографические очерки, посвящённые представителям этнических элит, позволяют через призму контекстных биографий увидеть роль этнических элит в российской истории. Отмечу и справочные таблицы партийно-государственного руководства союзных республик СССР, составленные Д. А. Аманжоловой.

15 К сожалению, многие проблемы, в том числе и в силу объективных причин, не были затронуты. Так, немного внимания уделено проблеме мышления элит. Не нашла отражения проблема этнической мобилизации элит, их участия в культурной жизни и национально-освободительной борьбе, роли последней в распаде Российской империи. Тем не менее данное издание несомненно станет важной вехой в изучении этнических элит, а богатый фактический материал послужит основой для постановки новых проблем.

---

#### Remarks:

1. *Сергеев Е. Ю.* Современное элитоведение: итоги и перспективы // Элиты и лидеры: Традиционализм и новаторство. М., 2007. С. 10.

2. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 50.

---

#### References:

1. *Sergeev E.Yu.* Sovremennoe ehlitovedenie: itogi i perspektivy // Ehlity i lidery: Traditsionalizm i novatorstvo. M., 2007. S. 10. *Miller A.I.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Ehsse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. M., 2006. S. 50.

2. *Miller A.I.* Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Ehsse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. M., 2006. S. 50.

**Рец. на: Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 477 с.**

**Тихонов Виталий Витальевич**  
*Институт российской истории РАН*  
*Российская Федерация, Москва*

**Аннотация**

**Ключевые слова:**

**Дата публикации:** 13.02.2019

**Ссылка для цитирования:**

Тихонов В. В. Рец. на: Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 477 с. // Российская история. – 2018. – Выпуск 5 С. 212-214 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870001587-6-1/> DOI: 10.31857/S086956870001587-6